

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Revue militaire générale», руководимая, послѣ смерти генерала Ланглуа, бывшимъ французскимъ генералисимусомъ, генераломъ де Лакруа, является, быть можетъ, самымъ интереснымъ журналомъ, посвященнымъ военнымъ вопросамъ общаго, оперативнаго характера. Въ сентябрьскомъ номерѣ заключается чрезвычайно ясный очеркъ операціи сербской арміи во время второй балканской войны. Призракъ европейскаго вмѣшательства виситъ надъ каждой балканской войной; во время военныхъ дѣйствій стратеги армій малыхъ государствъ не исходятъ изъ тѣхъ же принциповъ борьбы для уничтоженія противника, которые установлены великодержавнымъ военнымъ искусствомъ, а непрерывно подчиняются дипломатическимъ внушеніямъ. Операція болгарской арміи на Овчемъ Полѣ—это дурная политика и жалкая, подчиненная ей стратегія. Сербская армія своими главными силами, въ виду ожидавшагося столкновенія съ болгарами, развернулась не на кратчайшихъ путяхъ въ Софію, и не на старой сербо-болгарской границѣ: прикрывать важнѣйшія старыя сербскія земли, направленіе на Нишъ, не приходилось, такъ какъ здѣсь граница была установлена твердо. Главныя силы сербовъ собрались южнѣе, на Овчемъ полѣ, и этотъ районъ сербскаго развертыванія понятенъ, такъ какъ онъ прикрывалъ спорную область Македоніи и ободрялъ грековъ къ соответственнымъ дѣйствіямъ. Болгарскій полководецъ, руководясь чистой стра-

тегій, намѣтилъ бы главный ударъ въ лѣвый флангъ сербскихъ силъ—примѣрно, на Егри-Паланку и Власина, чѣмъ сербскія арміи королевича Александра и генерала Янковича отрѣзывались бы отъ Сербіи и скоро должны были бы обезсилѣть въ чуждой еще имъ Македоніи. Но такое рѣшеніе было связано съ отвѣтственностью—открыто признать себя зачинщикомъ второй балканской войны; политика не могла разрѣшить стратегіи нанести бывшему союзнику ударъ въ его исконныхъ земляхъ; политика могла позволить лишь создать иллюзію крупнаго аванпостнаго недоразумѣнія, которое могло сойти за поводъ для того, чтобы столкнуть непріятельскія войска, непосредственно мѣшающія занять спорный участокъ территоріи. Болгары такъ и поступили: они развернулись на широкомъ фронтѣ, почти кордономъ, противъ спорной территоріи, и этимъ кордономъ перешли въ наступленіе. При этомъ почти вся тяжесть операціи выпадала на 5 дивизій арміи ген. Ковачева, растянутыхъ на 70 верстъ... 2 изъ 5 болгарскихъ армій выполняли совершенно второстепенную операцію—сторожили старую границу. Глубокое презрѣніе къ врагу должны были исповѣдывать болгарскіе генералы, принявшіе такой штатскій, дипломатическій планъ вооруженнаго захвата Македоніи.

Лѣвый флангъ арміи Ковачева — 2-я дивизія, въ раіонѣ Криво-Лаковицы—имѣлъ большой успѣхъ надъ арміей генерала Янковича. Рѣшающимъ же явился неуспѣхъ праваго фланга — 7-й дивизіи. Сербы встрѣтили болгаръ короткимъ переходомъ въ наступленіе.

Не останавливаясь на интересномъ очеркѣ сербскаго маневрированія, отмѣчу, что это сраженіе на Овчемъ-Полѣ или, вѣрнѣе, на р. Брегалницѣ, удивительно напомнило наше сраженіе на р. Шахъ: примѣрно тотъ же фронтъ, близкое и параллельное развертываніе обѣихъ армій предъ боемъ, захожденіе наступающихъ болгаръ лѣвымъ флангомъ, переходъ сербовъ въ наступленіе противъ праваго фланга; успѣхъ сербовъ здѣсь не развивается, а резервы передвигаются на югъ, для противодѣйствія побѣдоносному болгарскому лѣвому флангу. Отдѣльные бои дивизій, шатаніе войскъ по фронту, вмѣсто развитія одержанныхъ успѣховъ, и въ результатѣ—такой же, какъ и на р. Шахѣ, нерѣшительный исходъ сраженія. Но политика и не требовала отъ сербовъ полнаго уничтоженія болгарской вооруженной силы: начавшееся вторженіе румынъ и турокъ должно было смирить врага. Какъ слѣдствіе отсутствія стремленія къ вполне рѣшительному удару—рядъ отдѣльныхъ чрезвычайно (въ суммѣ) кровопролитныхъ столкновеній на всемъ фронтѣ.

Какъ и сраженіе на р. Шахѣ ¹⁾, сраженіе на р. Брегалницѣ

¹⁾ Параллели съ этимъ сраженіемъ у Реджинальда Кана, автора цитируемой статьи, нѣтъ, она остается на отвѣтственности рецензента. <

весьма типично, какъ прообразъ будущихъ сраженій на европейскомъ театрѣ войны; съ точки зрѣнія военного искусства оно любопытнѣе операций 1-й балканской войны, и было бы нежелательно, чтобы оно ускользнуло отъ нашего изученія, въ виду общаго ослабленія нашего вниманія къ Балканамъ.

Подполковникъ дю-Мениль, описывая сраженіе у Леманса, возвращается къ любимой французской темѣ о томъ, что возможно выполнить съ импровизованными солдатами. Положеніе французскихъ армій, импровизованныхъ во вторую половину войны 1870—71 гг., было дѣйствительно тяжело. Достаточно сказать, что на вооруженіи имѣлось 89 различныхъ образцовъ ручного огнестрѣльнаго оружія—были сложныя, деликатныя винтовки Спенсера и два образца, заряжающіеся съ дула; были ружья безъ штыковъ и ружья съ неполнѣ подходящими къ нимъ патронами. А пополненіе патроновъ столькихъ образцовъ! Офицерскій вопросъ былъ разрѣшенъ декретомъ, предоставившимъ начальникамъ дивизій право производить во всѣ чины, до полковника включительно. Соображенія внутренней политики вторгались въ организацію войскъ: патріотическая Бретань захотѣла выставить 60.000 армію. Сначала эта идея улыбнулась республиканскому правительству, кредиты были отпущены, но затѣмъ явилось опасеніе, какъ бы это войско не явилось «черной» силой, орудіемъ въ рукахъ правыхъ партій, «шуанами»—и въ результатъ всѣ снабженія бретонцамъ умышленно направлялись съ задержкой, а вожди и инициаторы бретонскаго ополченія вынуждены уйти въ отставку.

Слабо чувствовала себя и германская армія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ фонъ-деръ-Гольцъ въ своемъ описаніи Луарской кампаніи, въ которомъ онъ оправдываетъ бездѣйствіе принца Фридриха-Карла въ декабрѣ внутреннимъ состояніемъ арміи, внушавшимъ опасенія. Со страницъ труда фонъ-деръ-Гольца такъ и вѣетъ та тоска по покою, по спокойной зимней стоянкѣ, которую испытывала германская армія; конница хотѣла передохнуть отъ развѣдочной службы, отъ постоянного блужданія по деревнямъ и рощамъ, откуда частенько свистѣли пули. Обозы остались прежніе, а пѣхота сократилась на половину; маневрированіе сдѣлалось тяжелымъ. Много резервистовъ, потерянное соответствіе между чиномъ и должностью начальниковъ, офицеры запаса на отвѣтственныхъ мѣстахъ, нижніе чины босикомъ, въ полотняныхъ штанахъ; «за исключеніемъ нѣсколькихъ стойкихъ лицъ, всѣ были сыты по горло счастливыми боями. Воинственный задоръ горѣлъ лишь перемежающимся, дрожащимъ пламенемъ; у всѣхъ было желаніе, наконецъ, отдохнуть»... Это признаніе фонъ-деръ-Гольца, характеризующее состояніе прус-

скихъ войскъ черезъ три мѣсяца войны и нужное фонъ-деръ-Гольцу для объясненія поведенія принца Фридриха-Карла, прощалось ему, пока онъ былъ на дѣйствительной службѣ, а нынѣ вызываетъ скорпіоны нѣмецкой критики. А. Кречманъ писалъ своей женѣ о ростущихъ не порядкахъ, о томъ, что баварцы совершенно распустились, и командиру ихъ корпуса, фонъ-деръ-Тану, командующей арміей въ бою сказалъ: убирайтесь вы къ со всей вашей ракальей. Особенно дорого современному французскому автору, въ виду необходимости быть всегда на чеку для противодѣйствіямъ лѣвымъ, заключеніе Кречмана: «вотъ солдаты одногодичной службы!»²⁾.

Подполковникъ Анри Мордакъ—разбираетъ довольно предвзято вопросъ «о крѣпостяхъ и стратегіи», дабы придти къ рѣшенію, что французы, оставивъ только 4 современныхъ крѣпости на германской границѣ, поступаютъ правильно, равно какъ и нѣмцы, выступающіе на своихъ границахъ съ болѣе сложными системами цѣлыхъ укрѣпленныхъ раіоновъ.

Авторъ, слѣдуя по стопамъ Мольтке, признаетъ за крѣпостями значеніе лишь въ томъ случаѣ, если въ связи съ крѣпостью оперируетъ полевая армія. Значеніе Страсбургскаго и Мецскаго укрѣпленныхъ раіоновъ авторъ видитъ въ томъ, что они позволяютъ нѣмцамъ получить экономію въ силахъ, развертываемыхъ непосредственно на французской границѣ—экономію на фронтѣ, необходимую, чтобы занести кулакъ достаточныхъ размѣровъ въ обходъ черезъ Бельгію.

Крѣпости очень полезны, какъ прикрытіе фланга—вообще, какъ гигантскіе опорные пункты—въ полевомъ сраженіи; но надо считаться съ воспитаннымъ вѣками въ людяхъ предрасудкомъ—въ случаѣ боевыхъ неудачъ искать убѣжище за крѣпостными фортами; такъ въ средніе вѣка, при опасности, и воины, и смерды укрывались за стѣны крѣпкихъ замковъ...

Фланговые позиціи, для облегченія занятія которыхъ часто устраивались крѣпости, представляютъ, по мнѣнію французскаго стратега, устарѣвшій фехтовальный приѣмъ. Съ этимъ положеніемъ автора согласиться трудно, вспоминая современные разсужденія нѣмцевъ относительно фланкирующей роли Торнъ-Грауденскаго укрѣпленнаго раіона. Еще труднѣе согласиться съ авторомъ, считающимъ возможнымъ въ современныхъ условіяхъ устраивать временныя крѣпости внутри государства въ теченіе самой войны, по примѣру Плевны. Французамъ это утѣшеніе нужно, такъ какъ они запускаютъ устрой-

²⁾ Въ Баваріи передъ 1870 годомъ былъ одногодичный срокъ отбыванія воинской повинности.

ство всѣхъ внутреннихъ крѣпостей, съ Парижемъ включительно, и рассчитываютъ до известной степени на вдохновеніе мобилизационнаго періода. Устройство Шлевны противъ хорошо снабженной артилеріей и обученной современной арміи отнюдь рекомендоваться не можетъ—такая западня будетъ хуже, чѣмъ Мецъ оказался для Базена.

Въ общемъ, нужно согласиться съ авторомъ, что крѣпости во Франціи имѣютъ весьма дурную репутацію.

Въ «Spectateur militaire», капитанъ Мера приступаетъ къ любопытной темѣ о Ницше и его мысляхъ о войнѣ. Знаменитый философъ самъ соприкасался съ военнымъ дѣломъ; забракованный сперва за близорукость, Ницше попадаетъ въ 1867 г. ѣздовымъ въ артиллерійскій полкъ. Отбываніе воинской повинности представляетъ для него свѣтлыя стороны; ему нравится постоянный призывъ къ энергіи, къ чему сводится солдатская служба въ вѣкъ общаго скептицизма, парализующаго усилія внѣ казармы. Среди чужихъ въ казармѣ научаешься познавать самого себя. Всю свою работу Ницше исполнялъ тщательно и съ интересомъ; и, дѣйствительно, быть первымъ между тридцатью всадниками, не лучше ли это, чѣмъ полученіе филологическаго диплома?

Ницше падаетъ съ коня, ломаетъ себѣ ребро, увольняется въ неспособные. Онъ получаетъ кафедру въ Швейцаріи, для занятія коей онъ принужденъ натурализоваться швейцарскимъ гражданиномъ. Но вспыхиваетъ франко-прусская война; онъ читаетъ телеграммы о сраженіи подъ Вертомъ, о германской побѣдѣ, большихъ потеряхъ. Онъ въ качествѣ лазаретнаго служителя устраивается въ армію, попадаетъ къ Мецу, гдѣ лежатъ десятки тысячъ раненыхъ. Ницше видитъ только обратную сторону войны, но все же постигаетъ мрачную и вѣчную красоту войны. Онъ испытываетъ священный, почти вдохновенный ужасъ. Онъ посланъ сопровождать 11 раненыхъ въ Карлсруэ. 3 дня и 3 ночи заключенъ онъ въ одномъ товарномъ вагонѣ съ ними. Отъ раненыхъ онъ заразился самъ дифтеритомъ и дизентеріей, еле выжилъ; здоровье его осталось разстроеннымъ и можетъ быть здѣсь положенъ былъ зачатокъ сумасшествію конца его жизни. Но какъ измѣнился онъ весь за войну! Это не былъ больше лояльный швейцарецъ начала войны, разсуждавшій объ ужасномъ ударѣ грома—объявленіи войны, объ ужасномъ демонѣ, напущенномъ на нашу культуру. Ницше вдохновляется примѣромъ студентовъ Кильскаго университета, которые всѣ полностью записались въ ряды арміи. Война перевернула Ницше, и онъ прославляетъ войну: «Она будитъ энергію людей; она возбуждаетъ самый мозгъ ихъ. Она заставляетъ

ихъ искать въ порывѣ къ идеалу, въ порывѣ къ красотѣ, въ исполненіи долга—конецъ слишкомъ жестокой коварной жизни. Лирическій поэтъ, мудрецъ, которыхъ не понимаютъ въ періодъ мира, ихъ слушаютъ въ вѣкъ войны. Люди получаютъ потребность въ мудрецахъ и поэтахъ—и ощущаютъ ее. Та же повелительная необходимость, которая строитъ ихъ за вождями, дѣлаетъ ихъ и внимательными къ генію. Человѣчество становится дѣйствительно человѣчествомъ, стремящимся къ героическому и верховному только тогда, когда на него надавить война...»

Пруссію философъ не любилъ. Оставаясь на реальной точкѣ зрѣнія, онъ отвергалъ ходячее мнѣніе, что въ 1870 году побѣдила высшая культура прусскаго народа. Побѣдили большія знанія нѣмецкихъ офицеровъ, лучшее обученіе нѣмецкихъ солдатъ, болѣе научная тактика; побѣдило лучшее командованіе, единство взглядовъ, послушаніе тѣхъ, которыми командовали: коротко говоря, элементы, которымъ нѣтъ мѣста въ понятіи—культура. Культура была только во Франціи. Культура—это художественное единство стиля во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ энергіи народа; культура—это совокупность качествъ, отличающихъ данную расу, очерчивающихъ ея характеръ ³⁾; это вкусъ, цвѣтъ, форма, поворотъ, даваемый вещамъ и событіямъ; это точка зрѣнія на жизнь, манера обрисовки ея контуровъ, способъ ея переживанія.

«До сихъ поръ мы всегда подражали французамъ во всемъ, и обыкновенно весьма неловко. Во всемъ, что касается формы, мы еще зависимъ—и нужно, чтобы зависѣли—отъ Парижа». Германія еще находится въ стадіи «Bildung»—формированія. Эта стадія мирится «съ варварствомъ, т.-е. съ отсутствіемъ стиля или хаотическимъ смѣшеніемъ всѣхъ стилей».

«Признаю, я замѣчаю признаки вырожденія, заставляющіе опасаться и за общество, и за искусство. Нѣкоторые люди, которымъ не хватаетъ государственнаго инстинкта, хотятъ не служить государству, а пользоваться имъ для личныхъ нуждъ. Ничего божественнаго не видятъ они въ государствѣ и, чтобы утилизировать его въфрнмымъ и раціональнымъ способомъ, они заботятся о томъ, какъ бы избѣжать встряски войны: и они стремятся устроить дѣла такъ, чтобы война стала невозможной. Съ одной стороны, они изобрѣтаютъ системы европейскаго равновѣсія; съ другой стороны, они силятся вырвать у самодержцевъ право объявленія войны, чтобы болѣе при-

³⁾ Сравнить съ опредѣленіемъ русскаго философа Леонтьева: культура—это своеобразие. Какъ далекъ этотъ просвѣщенный взглядъ на культуру отъ воззрѣній нашихъ западниковъ, хотя бы въ рамкахъ нашего военного дѣла (несомнѣнная область проявленія энергіи народа), стремящихся къ уничтоженію всякаго своеобразія и къ насажденію чужеобразія...

вольно опираться на эгоизмъ массъ и ихъ представителей. Они чувствуютъ потребность ослабить монархическіе инстинкты народовъ.

«... За различными манифестаціями въ пользу мира я вижу тѣхъ, кто всего болѣе взволнованъ боязнью войны—солитеровъ международной плутократіи, которые, естественно безъ всякаго государственнаго инстинкта, подчиняютъ политику, государство и общество денежнымъ и спекулятивнымъ вопросамъ».

«Есть только одно средство, чтобы духъ спекуляціи не разслабилъ духа государственности—война и еще война. Въ ея возбужденіи людямъ становится ясно, что государство основано вовсе не для того, чтобы защищать эгоистическихъ индивидуумовъ отъ демона войны; совсѣмъ наоборотъ: любовь къ родинѣ, преданность государямъ помогаютъ вызвать моральный подъемъ—знаменіе болѣе высокой доли... Слѣдовательно, я правъ, слагая здѣсь торжественный гимнъ войнѣ. Ужасенъ резонансъ ея серебрянаго лука. Она слѣдуетъ къ намъ—мрачна, какъ ночь. Однако, ее сопровождаетъ Аполлонъ, Аполлонъ, законный вождь государствъ, очищающій ихъ богъ... Такъ скажемъ: война нужна государству»

«Streffleurs militärische Zeitschrift» посвящаетъ статью фельдмаршалу Радецкому—къ столѣтнему юбилею назначенія его начальникомъ штаба союзныхъ армій въ 1813 году. Карьера генерала Радецкаго представляетъ одно изъ лучшихъ доказательствъ несостоятельности теоріи г. Калнина относительно спеціализаціи генеральнаго штаба и свидѣтельствуетъ, что правъ былъ Мольтке, хотя лично почти и не служившій въ строю, но пришедшій къ твердому выводу, что единственно надежный способъ подготовки высшаго команднаго состава заключается въ томъ, чтобы не позволять офицерамъ генеральнаго штаба спеціализироваться въ канцеляріяхъ, а заставляя непрерывно чередовать строевую и штабную службы.

Радецкій—кирасирскій подпоручикъ производства 1786 года—сразу же начинаетъ свою военную карьеру многолѣтней войной съ Турціей. Онъ служитъ не въ строю, а въ штабѣ Ласси, ординарцемъ. Въ 1791 заключенъ миръ, Радецкій въ штабѣ генерала Болье, нѣсколько разъ раненъ. Въ 1795 онъ раненъ при штурмѣ Майнца, гдѣ находился въ штабѣ фельддехмейстера Клэрфай. Въ 1796 онъ адъютантъ Болье, и на итальянскомъ театрѣ выдерживаетъ удары

Бонапарта. Его заболѣвшаго принцепала, слегшаго въ Валеждію, чуть не захватываютъ французы—адъютантъ атакуетъ французовъ съ гусарами, чтобы дать возможность Болѣ ускользнуть.

Конецъ года—Радецкій майоръ; короткое время онъ носитъ мундиръ піонера—ему поручено сформировать піонерный баталіонъ; затѣмъ онъ генераль-квартирмейстеръ италіанской арміи, осажденъ въ Мантуѣ, капитулируетъ.

Въ 1799 году онъ въ штабѣ Меласа, раненъ. Особенно отличился при Треббін, будучи колонновожатымъ (по ироническому выраженію г. Калнина—поводыремъ) колонны князя Лихтенштейна. Подъ Нови всѣмъ памятна инициатива Меласа, дѣятельно поддержавшаго Суворова ударомъ въ правый флангъ и тылъ французовъ. На самомъ дѣлѣ Радецкому удалось съ трудомъ вырвать у Меласа разрѣшеніе на эту атаку...

33 лѣтъ отъ роду, Радецкій полковникъ; въ 1800 году онъ переживаетъ, будучи генераль-адъютантомъ Меласа, тяжелый день Маренго. Послѣ 14 лѣтъ штабной службы онъ возвращается въ родной родъ войскъ, получаетъ кирасирскій полкъ, участвуетъ подъ Гогенлинденомъ. 5 лѣтъ подрядъ—періодъ мира—командуетъ Радецкій полкомъ; и удивительно—полкъ этого «нестроевого», какъ называли бы его теперь нѣкоторые въ Россіи, получаетъ въ Австріи репутацію лучшаго, «образцоваго» кавалерійскаго полка. Въ кампаніи 1805 года онъ въ Италіи, командуетъ легкой кавалерійской бригадой, проходитъ въ 5 дней 270 километровъ въ горахъ, что по тому времени было замѣчательно.

Въ 1806 году началась реформа австрійской арміи и разумѣется Радецкаго вырвали изъ строя. Ему поручили организацію обозной части, ветеринарнаго надзора и школы верховой ѣзды.

Кампанію 1809 года—пятидневный бой, Аспернъ, Ваграмъ—Радецкій проводилъ въ роли бригаднаго командира, выдѣляясь, какъ искусный арьергардный начальникъ. Въ концѣ года—Радецкій, генераль-квартирмейстеръ, работаетъ надъ подготовкой генеральнаго штаба, надъ составленіемъ военно-статистическаго описанія Австріи—съ точки зрѣнія новой войны съ Франціей, надъ составленіемъ исторіи послѣднихъ войнъ, надъ развитіемъ въ Австріи военной литературы и журналистики.

Въ 1812 году Радецкій рѣшительно отсовѣтываетъ выставленіе контингента въ помощь Наполеону. Въ 1813 году Радецкій—начальникъ штаба Шварценберга, который сначала командуетъ двадцатитысячной богемской арміей, а затѣмъ является въ роли общаго главнокомандующаго. Радецкому принадлежитъ нѣсколько любопытныхъ докладовъ по дѣйствіямъ 1813 года. Между прочимъ, ему принадле-

жить мысль—отказаться въ 1813 году отъ національныхъ армій, а составить 3 смѣшанныхъ арміи; включеніе контингентовъ разныхъ государствъ въ одну армію преслѣдовало цѣль—крѣпче сплотить союзныя войска и ослабить невыгоды коалиціи, въ которой обыкновенно войска каждаго государства ведутъ самостоятельную политику. Успѣхъ Лейпцига заставилъ даже наиболѣе горячихъ враговъ всякой ломки организаціи простить Радецкаго.

Между прочимъ, Радецкій чрезвычайно расхваливаетъ русскую артилерію и осуждаетъ австрійскую, «единственную на свѣтѣ, исходящую изъ убѣжденія, что все, что было хорошо въ семилѣтнюю войну, примѣнимо и теперь, и потому не могущую ни съ кѣмъ помѣряться».

Особенно любилъ Радецкаго Императоръ Александръ I. Улыбаясь, съ благодарнымъ умиленіемъ, Радецкій любилъ рассказывать потомъ, что въ 1813 и 1814 годахъ, въ дни походовъ и боевъ, въ самомъ жестокомъ огнѣ его всегда умѣлъ находить гвардейскій казакъ съ серебряной фляжкой, докладывавшій: «добрый Царь Александръ шлетъ вашему превосходительству водочки». И Радецкій не упускалъ случая подкрѣпиться...

Черезъ 35 лѣтъ послѣ Лейпцига, гдѣ Радецкій выступилъ въ заглавной роли начальника штаба анти-французской коалиціи, этотъ лучший австрійскій генераль оказался еще не устарѣвшимъ и подъ Кустоцей (1848 г.) разбилъ на голову сардинцевъ. А что представлялъ бы изъ себя начальникъ, прослужившій 62 года въ офицерскихъ чинахъ и специализировавшійся на штабной или на строевой службѣ?

Правда, штабная служба Радецкаго включаетъ 15 кампаній: въ ней больше поля и пороху, чѣмъ чернилъ. Надо и намъ стремиться сдѣлать штабную службу полевой, а не специализироваться нестроевыми инвалидами.

Генераль Роне, въ «*Artilleristische Monatshefte*», дѣлится нѣсколькими мыслями, навѣянными старыми таблицами стрѣльбы. Превосходство ихъ надъ современными заключалось исключительно въ томъ, что ихъ можно было купить въ книжной лавкѣ и свободно критиковать, тогда какъ на современныхъ стоитъ надпись — «секретно», едва ли способствующая глубокой и всесторонней работѣ надъ ними офицеровъ. По крайней мѣрѣ этимъ исключено сотрудничество военной литературы и журналистики.

Очень любопытны мѣры, въ которыхъ выражались данныя первыхъ таблицъ 1859 года. Въ гражданской жизни того времени употреблялась мѣра: дюймъ и двѣнадцатая его часть—линія. Но въ таблицахъ стрѣльбы и на прицѣлахъ кто-то и зачѣмъ-то выдумалъ новую мѣру—шестнадцатую часть дюйма. При измѣненіи же матеріальной части въ артилеріи счетъ шелъ на сотыя части дюйма.

Разстояніе указывалось въ шагахъ—2,4 фута; при переходѣ на метрическую систему шагъ былъ опредѣленъ въ 80 сантиметровъ—на 5 сантиметровъ больше, чѣмъ раньше. Неумышленно были тѣмъ самымъ увеличены всѣ аллюры, выраженные въ уставѣ въ шагахъ, больше, чѣмъ на 5%. Только черезъ 14 лѣтъ замѣтили, что прибавленная рысь крайне утомляетъ лошадей, и исправили ошибку.

Дальности давались въ шагахъ, ширина ровъ и размѣры крѣпостныхъ построекъ въ планѣ—въ двѣнадцатифутовыхъ саженьяхъ, размѣры въ профили—въ футахъ. Вычисленіе угловъ встрѣчало серьезныя затрудненія. Метрическая система позволяетъ легче окончить въ головѣ вычисленіе, чѣмъ раньше съ таблицей логарифмовъ. Роне благославляетъ метрическую систему, избавившую германскихъ артиллеристовъ отъ многихъ хлопотъ, и удивляется, какъ раньше усложняли свое дѣло люди. А не приходилось ли читателю встрѣчать русскіе чертежи, въ которыхъ разстоянія выражены и понынѣ въ аршинахъ, а высоты—въ футахъ? Мнѣ лично приходилось учиться по такимъ чертежамъ; попробовалъ бы генераль Роне вычислить по по нимъ въ головѣ тангенсы... Мы еще не дошли до благъ метрической системы.

Въ старину любили точность. Таблица давала время полета съ точностью до сотой секунды, тогда какъ деревянные дистанціонныя трубки того времени могли бы смѣло довольствоваться полусекундами. Теперь дальше десятыхъ секунды не идутъ.

Роне обращаетъ вниманіе, что на современныхъ дистанціонныхъ трубкахъ гравировуются мѣры—или разстоянія—въ метрахъ, или время горѣнія—секунды, или соответственное число дѣлений прицѣла. Каждая мѣра имѣетъ своихъ сторонниковъ, между тѣмъ нынѣ, съ введеніемъ приборовъ для механической установки трубокъ, было бы выгодно никакихъ дѣлений на трубкѣ не наносить: во-первыхъ, непріятель, по подобраннымъ трубкамъ, не опредѣлитъ дистанціи, съ которой стрѣляетъ батарея, а, во-вторыхъ, одна и та же трубка можетъ служить у разныхъ образцовъ орудій. Дѣленія будутъ наноситься только на приборахъ, устанавливающихъ трубку.

Очень неудобно сохранившееся въ германской артилеріи со старины дѣленіе градуса на 16 частей. Кругъ угломѣра по этой традиціи дѣлится на 5.700 частей, причемъ во всѣхъ расчетахъ принимается,

что каждое дѣленіе равняется тысячной дистанціи. Завѣдомая ошибка, дѣлаемая при этомъ германскими артиллеристами, равна 10⁰/о—исключительно за консерватизмъ. Другія государства, принявшія дѣленіе угломѣра на 6.400 частей, допускаютъ ошибку менѣе 2⁰/о, считая каждое дѣленіе за тысячную дистанціи.

Русскаго читателя непріятно поражаетъ тонъ французской печати относительно Австріи. Неприемлемыми для Россіи условіями мечтаютъ французскіе публицисты оторвать Австрію отъ союза съ Германіей. Эта тема обошла общую печать, начиная съ солиднѣйшей газеты «Temps»; мы ее встрѣчаемъ и на страницахъ «Journal des sciences militaires», въ изложеніи г. Л. Амфу. Авторъ полагаетъ, что для Австріи, какъ и для Франціи, наступилъ рѣшительный часъ. Австрійская дипломатія сумѣетъ осмотрѣться и приобрести на Балканахъ друзей. Экономическое завоеваніе Балканъ ведется уже давно. Но Австрія, какъ двойственная монархія, теперь плохо уравновѣшена. Теперешній фактической руководитель ея сумѣетъ передѣлать ее въ тройственную монархію; славяне не будутъ въ ней болѣе поработаны. Но для этого надо, чтобы центробѣжныя стремленія австрійскихъ славянъ умалились. Австрія должна выступить другомъ балканскихъ славянъ для внутренней реформы, и внутренняя реформа ея нужна для успѣха балканской политики. Въ конечномъ результатѣ, авторъ допускаетъ объединеніе, подъ гегемоніей Габсбурговъ, всѣхъ балканскихъ народовъ.

Особенно улыбаются французамъ мечты о трещинахъ, наблюдаемыхъ въ тройственномъ союзѣ. Австрія не прибѣгала бы къ такимъ разорительнымъ мобилизаціямъ, если бы была вполне увѣрена въ поддержкѣ Германіи и Италиіи. Слабая и плохо скроенная Австрія поневолѣ жметъ подъ опеку Германіи, но сильная германо-венгрославянская тріединая Австрія будетъ продолжать великогабсбургскую политику, подобно тому, какъ болгары дрались за великоболгарскій идеалъ, сербы — за великую Сербію и греки — за великую Элладу. А великогабсбургская политика — это борьба съ Гогенцолернами, борьба за вліяніе въ южной католической Германіи, за Баварію и Вюртембергъ. Явись сильная, конкурирующая съ Германіей, Австрія — и Франція вновь можетъ свободно стать на ноги (подъ этимъ можно разумѣть, какъ «реваншъ», такъ и освобожденіе отъ необходимости неуклонно держаться союза съ Россіей). А современное вооруженіе Германіи, не отвѣчаетъ ли оно

этому предположенію — борьбы Германіи, на худой конецъ распаденія тройственнаго союза, своими собственными силами противъ всей Европы?

Какъ-то не думается, что въ XX вѣкѣ возможно продолженіе великогабсбургской политики за вліяніе въ Германіи, такъ какъ въ такомъ случаѣ католицизму, въ лицѣ Габсбурговъ, пришлось бы посягнуть на принципъ единой, національной Германіи, защищенной Пруссіей. Национальность теперь безусловно перевѣситъ. Но если романскій западъ всталъ бы на поддержку гегемоніи Габсбурговъ, если бы славянская политика Австріи встрѣтила поддержку, развѣ не пришлось бы считаться съ призракомъ сѣверо-восточнаго, русско-германскаго союза, который могъ бы дѣла дѣлать?

Весьма любопытна, въ томъ же журналѣ, статья скрывшагося подъ инициалами D. S. автора: «Рота сумасшедшаго Боливэя». Автору капитанъ Боливэй показываетъ свою роту, выведенную изъ казармъ, по случаю эпидеміи, и размѣщенную въ отдѣльной усадьбѣ. Боливэй прежде всего говоритъ, что его считаютъ сумасшедшимъ, и говорятъ только изъ вѣжливости, что онъ оригиналь, такъ какъ всѣ опасаются, что съ торжествомъ его идей наступитъ конецъ общему спокойствію и благодущію въ арміи. Боливэй презираетъ эти сужденія, такъ какъ все равно, когда наступитъ часъ его страницы въ капитанскомъ спискѣ, то и онъ попадетъ въ маіоры, какъ другіе. Чувствуется глухое раздраженіе противъ условій производства во французской арміи, въ которой протекція депутатовъ господствующей политической партіи играетъ рѣшительную роль. Весь покраснѣвъ, на дворѣ усадьбы, въ которой расквартирована рота, капитанъ Боливэй, выводимый, какъ типъ лучшаго французскаго офицера, кричитъ: «чтобы теиерь хорошо дѣлать въ арміи свое ремесло, нужно плевать на все!» «Военный долженъ плевать на все, чтобы прилично выполнять свое ремесло. Вотъ хорошая тема для вступительнаго экзамена въ академію. Въи этого нѣтъ характера! Безъ характера нѣтъ начальника!»

И Боливэй ведетъ свою роту совершенно самостоятельно. Утромъ, въ концѣ зимы, у него общія занятія. Работаютъ только по спеціальностямъ. «У меня нѣтъ часовъ по расписанію, рождающихся лѣнь, скуку, утомленіе. Здѣсь время не убиваютъ, здѣсь работаютъ. Кто захочетъ отдохнуть, тотъ у насъ побоится заявить объ этомъ — и сдѣлать. У насъ царство здраваго смысла...»

Короткій срокъ службы требуетъ болѣе рациональной организаціи труда, чѣмъ въ старое время, когда служили долго, на занятія выходили свободные отъ назначеній люди. У Боливѣя утромъ въ одной комнатѣ работаютъ 10 сапожниковъ, въ другой—10 портныхъ. Здѣсь и молодые солдаты; часть работающихъ—настоящіе сапожники, а часть Боливѣй пропускаетъ временно. Нельзя въ современной арміи допускать, чтобы рота на походѣ не могла содержать себя въ порядкѣ; солдатъ долженъ умѣть подкинуть подметки. Оттого, что работаетъ 10 сапожниковъ, вмѣсто 2—3, разумѣется работа будетъ окончена гораздо скорѣе, и Боливѣй на другую половину дня сумѣетъ вывести на занятіе въ поле такую многочисленную роту, о которой другимъ капитанамъ и мечтать не приходится. Въ другихъ комнатахъ—другія мастерскія: работаетъ полдюжины столяровъ, два слесаря, два маляра. Нужно поддерживать обширную матеріальную часть для обученія роты стрѣльбѣ, фехтованію, нужно исправлять сломанные въ поляхъ заборы.

Въ ротѣ было нѣсколько телефонистовъ, и около нихъ также каждую недѣлю обучались новыя смѣны, такъ что всѣ солдаты въ ротѣ умѣли говорить по телефону и срастить разорвавшійся проводъ. У сигналистовъ такихъ временныхъ учениковъ не было. По циркуляру всѣ солдаты и офицеры должны умѣть принимать и передавать дашеши по азбукѣ Морзе. Но для этого нужна ежедневная практика. У Боливѣя было по два сигналиста во взводѣ, неуступающихъ въ искусствѣ семафорить морякамъ; «а я самъ не умѣю сигнализировать, и другіе въ ротѣ не умѣютъ; мы спокойны, такъ какъ изъ начальства никто тоже системой Морзе не владѣетъ—для этого нужно не имѣть другихъ занятій».

Пользуясь сосѣдствомъ пулеметнаго взвода, вся рота оказалась обученной работѣ по подачѣ лентъ съ патронами, по снятію пулемета съ лафета для переноски его на рукахъ и т. д. Баталіонъ—не единица обученія. Всѣ специальности должны быть не чужды ротѣ. Это особенно отвѣчаетъ французскому характеру: долгое время зубрить одно и то же ему претитъ, а энциклопедизмъ ему улыбается. Въ ротѣ подготовлено нѣсколько серьезныхъ специалистовъ, а масса людей переходитъ отъ одного къ другому (кромѣ сигнализациі). Имѣется и учебная команда въ ротѣ—въ видѣ взвода, составленнаго изъ кандидатовъ въ унтеръ-офицеры и возвратившихся въ роту изъ командировокъ, коихъ необходимо подтянуть. «Я чувствую, что я пропагандирую новыя идеи, за которыя бы раньше мнѣ отрубили голову... Но теперь нравы смягчились, и я расплачиваюсь лишь маленькой задержкой въ производствѣ въ штабъ-офицеры...»

Утреннія занятія не производятся въ ротѣ, такъ какъ обыкно-

венно, за выдѣленіемъ людей во всѣ команды и нестроевыхъ, только идиоты не освобождены отъ этихъ занятій со старослужащими... И хотять, чтобы ими интересовались. А солдатъ не хочетъ прослыть дуракомъ... кто увернется отъ этихъ скучнѣйшихъ занятій, улавливающихъ только пятую часть состава, слыветъ сообразительнымъ парнемъ. Съ какимъ энтузіазмомъ идетъ на занятія солдатъ, неувернувшійся отъ нихъ потому, что недостаточно умѣетъ выкручиваться... Другіе не идутъ на занятія—и онъ не хочетъ. Только то занятіе серьезно, на которомъ присутствуетъ вся рота. Хотять, чтобы всѣ были на занятіяхъ, и чтобы всѣ команды работали...

Занятія офицеровъ по взводной системѣ рѣшительно отвергаются капитаномъ Боливэемъ. Два офицера, поочередно, работаютъ въ ротѣ и имѣютъ черезъ день свободное время послѣ обѣда, необходимое для поддержанія въ нихъ интереса къ жизни и для того, чтобы подготовиться и провести съ толкомъ тѣ полевые занятія, которыя имъ поручаются...

Будемъ ждать окончанія мыслей автора о новомъ обученіи роты, преподносимаго имъ отъ лица донкихотствующаго и со странностями капитана.

Весьма любопытныя указанія встрѣчаются въ исторической работѣ полковника Сенъ-Шапель относительно дисциплины и дисциплинарныхъ взысканій во французской арміи. Онъ рассказываетъ, какъ жестоко поддерживалась дисциплина въ республиканской арміи у Писшегрю, какъ разстрѣливались мальчишки-барабанщики, ограбившіе старуху. За одинъ мѣсяць въ бригадѣ солдаты строились 5 разъ, чтобы присутствовать при разстрѣлѣ своихъ же, виновныхъ въ томъ, что они брали крестьянское добро безъ спроса. Наполеонъ въ значительной степени способствовалъ измѣненію взглядовъ въ арміи на заработокъ на войнѣ своимъ знаменитымъ приказомъ 1796 года о богатствахъ Италіи, куда онъ поведетъ войска. Однимъ изъ слѣдствій этого приказа явился восторгъ жителей при вступленіи черезъ три года на итальянскую почву арміи Суворова. Грабили начальники, а Наполеонъ совершенно вѣрно замѣчалъ въ приказѣ, что солдатъ не можетъ не интересоваться возможной добычей, если у него начальники думаютъ о ней. «Я произведу ужасныя экзекуціи или откажусь командовать этими разбойниками». Въ Парижъ же, Директоріи Наполеонъ писалъ, извиняясь, что солдаты попали послѣ голодовки въ обѣтованную землю и хотять полакомиться ея благами... Стремленіе Наполеона привязать къ себѣ войска и первая попытка госу-

дарственного переворота, произведенная Ожеро, посланнымъ въ Парижъ, не могли, конечно, благотворно отразиться на дисциплинѣ. Ожеро, послѣ того, какъ онъ арестовалъ въ Парижѣ роялистически настроенный и враждебный директоріи совѣтъ пятисотъ, получилъ въ командованіе Рейнскую армію, ходилъ расшитый золотомъ съ головы до пятъ, съ громадной и блестящей свитой, а его жена каждый день ѣздила только въ золотой парадной каретѣ — gala, какой итальянскіе государи пользовались иногда при особенно торжественныхъ выѣздахъ... Солдаты издѣвались.

Въ ужасное состояніе впала италіанская армія, когда временно ею началъ командовать, послѣ Наполеона, Бертье. Римъ былъ ограбленъ до чиста, подѣ аккомпаниментъ рѣчи Бертье, передававшего привѣтъ свободныхъ гражданъ Франціи тѣнямъ Катона, Брута, Цицерона... Контрибуціи брались и деньгами и драгоценными вещами; ничто, однако, на приходъ не записывалось; солдатамъ жалованье не выдавалось. Изъ доклада Бертье видно, что вся италіанская армія, кромѣ четырехъ полковъ, бунтовала въ 1798 году. На смѣну Бертье послали славившагося твердостью Массену. Его пріѣздъ ознаменовался приказомъ отобрать всю серебряную утварь изъ церквей. Массена вообще славился умѣніемъ обирать—въ одну ночь въ Миланѣ онъ успѣлъ обобрать кассы госпиталей, монастырей и даже ломбардъ всего на сумму свыше милліона.

А войска жалованья все же не получали. Оберъ-офицеры римскаго гарнизона явились съ требованіемъ къ Массенѣ—отдать отчетъ въ суммахъ, полученныхъ реквизиціей, и заплатить задержанное за много мѣсяцевъ жалованье. Массена отказалъ. Офицеры арміи въ письмѣ, полномъ угрозъ, потребовали отъ директоріи смѣны Массены. Его убрали немедленно: замѣстителю его, Сенъ-Сиру, пришлось уже считаться съ бунтомъ населенія, которому стало невозможно выдерживать общій грабежъ. Генераль Гарданъ, посланный усмирять какой-то городокъ, рѣшилъ, чтобы экзекуція осталась въ памяти у жителей, потребовать отъ нихъ 30.000 франковъ. «Маіоръ Тьебо», сказалъ онъ своему начальнику штаба: «вотъ пироги, которымъ искупаютъ себя господа бунтари; но такъ какъ я такіе пироги въ одиночествѣ ѣсть не люблю, то я васъ прошу принять кусочекъ». «И онъ мнѣ передалъ 5.000 франковъ. находка мнѣ понравилась», пишетъ послѣдній въ своихъ воспоминаніяхъ.

Сенъ-Сиръ тщетно боролся съ общимъ духомъ грабежа, съ нравами, распущенными его предшественниками—Наполеономъ, Бертье, Массеной. Онъ подалъ въ отставку. Его замѣстили генераломъ Шампіонъ, который писалъ директоріи: «я разыщу этихъ прожорливыхъ кровопійць.. Склады, въ которыхъ должно быть продовольствія на

30.000 человекъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ, пусты. Свора вашихъ обжоръ-комиссаровъ все оголила»... Но тогда въ арміи, на однихъ правахъ съ Шампіонэ, поставлена была гражданская комиссія съ комиссаромъ въ головѣ. Протестовавшаго Шампіонэ убрали. Новый командующій арміей, Макдональдъ, долженъ былъ очистить, завоеванное Шампіонэ, Неаполитанское королевство изъ-за народнаго возстанія.

Такъ, паденіемъ дисциплины и возмущеніемъ населенія, была подготовлена почва для италіанскаго похода Суворова.

А. Свѣчинъ.

